

Часть первая

ТЕТРАДЬ ЗА ШЕСТЬ ПЕНСОВ

МАРТ

I

Я сижу в раковине. Точнее, на сливной полке, накрытой собачьей подстилкой и стеганым чехольчиком для чайника, — в раковине только ноги. Не слишком-то удобно — да еще противно пахнет едким карболовым мылом, — но податься некуда: лишь в этом углу кухни пока светло. К тому же новое место меня всегда вдохновляет. Например, свое лучшее стихотворение я сочинила на крыше курятника. Хотя, если честно, оно так себе. С поэзией у меня не очень, поэтому стихов я больше не пишу.

В бочку у черного входа со звонким шлепаньем срывается с крыши вода. Пейзаж за окнами невыносимо уныл: мокрый сад, полуразрушенная каменная стена, ров, а за ним — раскисшие поля, убегающие вдаль к свинцовому горизонту. Ничего, пусть льют дожди! Растениям полезно. И вообще, вот-вот нагрянет весна. На деревьях появятся листочки, над двором засверкает солнце... Увы! Чем больше зелени и золотого сияния рисует фантазия, тем бесцветнее и тоскливее кажутся сумерки.

Уж лучше смотреть на пылающий очаг, возле которого моя сестра Роуз уютит белье. По-моему, ей уже ничего не видно. Как бы не прожгла свою единственную ночную рубашку! (У меня-то их две, хотя у одной не хватает спинки.) Румяная от природы, в свете очага Роуз особенно прелестна: нежная кожа отсвечивает бледно-розовым, даже пышные золотистые кудри с розовым отливом. Красавица — глаз не отвести! Только вечно недовольна и жалуется на жизнь. Скоро ей исполнится двадцать один.

Мне семнадцать. Выгляжу я младше своих лет, а чувствую себя старше. У меня правильные черты лица, но с Роуз мне не сравниться.

Итак, две девушки, уединенный загадочный дом... По-моему, ужасно романтично! Немедленно делюсь мыслью с сестрой. А она фыркает: ничего, мол, романтического — сидим взаперти в осыпающейся развалюхе посреди хлюпающего океана грязи. Да, пожалуй, жить здесь — безрассудство. И все-таки я обожаю это место! Дом построен еще во времена Карла Второго, прямо на руинах средневекового замка, разрушенного Кромвелем. Вся восточная стена — часть кладки четырнадцатого века; даже две круглые башни по краям уцелели. Уцелела и высокая ограда, что тянется от дома к воротам — те до сих пор как новенькие. На соседнем холме гордо возвышается башня Вильмотт, останки еще более древней крепости. Впрочем, подробнее наш необычный дом я опишу позже, быстро с этим не управиться.

Дневник я веду по двум причинам: хочу совершенствовать недавно освоенное искусство стенографии и научиться писать романы. Расскажу о семье, добавлю

диалогов. Чем стремительнее ход событий, тем, наверное, лучше: просто летишь вперед без излишних рассуждений! Мои прежние истории тяжеловесны и неуклюжи. Отец как-то снизошел, прочитал одну; по его мнению, напыщенный слог перечеркивает все потуги на юмор. Он посоветовал мне расслабиться, дать словам волю — пусть сами льются на бумагу.

Знать бы, где открываются шлюзы, чтобы слова полились у отца! Давным-давно он написал удивительную книгу под названием «Борьба Иакова», смесь поэзии и философии. Роман приняли «на ура», особенно в Америке. На лекциях по книге отец заработал уйму денег. Казалось, еще чуть-чуть — и быть ему великим писателем! А он вдруг забросил перо и бумагу. Мать считала, это из-за случая, приключившегося, когда мне шел пятый год.

Выступив по второму кругу с лекциями в Америке, отец вернулся к нам, в уютный домик у моря. Погожим деньком мы пили в саду чай; отец вознамерился отрезать кусок пирога и вдруг — так некстати — рассердился на мать. Вспылил, раскричался. Досужий сосед, увидев, как он яростно размахивает столовым ножом, прыгнул через ограду, чтобы усмирить «буяна»... и кувырком полетел на землю. От отцовской оплеухи.

На суде отец объяснял, что убивать женщину серебряным ножом для торта — дело долгое и утомительное, таким оружием разве только запилишь до смерти. Умора, правда? Все веселились и наперебой упражнялись в остроумии. Кроме соседа. Но отец совершил непростительный промах — «переострил» судью. Обвинение в намерении зарезать маму с него сняли, а вот за

пострадавшего соседа (тут-то не поспоришь) дали три месяца тюрьмы.

В назначенный срок он вышел на свободу. До чего же улучшился его характер! Более милого человека и вообразить было нельзя! В остальном отец, на мой взгляд, не переменился. Однако, по воспоминаниям Роуз, именно тогда у него появилась склонность к замкнутости. И идея арендовать на сорок лет старые развалины: где же замыкаться, как не в замке! Мы переехали. Отцу полагалось засесть за новую книгу, но... Шли дни, недели, месяцы, а он не написал ни строчки. Даже не прикасался к бумаге, как мы вскоре поняли. Разговоры о работе пресекались им на корню.

Большую часть времени отец проводит в караульне над воротами — дни напролет читает детективы. Зимой там жутко холодно, потому что нет камина, приходится греться у керосинки. Книги приносит из деревенской библиотеки учительница, она же библиотекарь, мисс Марси. Мисс Марси от отца просто в восторге, а о его мрачном состоянии духа говорит так: «В железо вошла душа его»*.

Вот с чего бы душе бодрого, деятельного человека вроде отца столь прочно «войти в железо»? Всего-то за три месяца заключения! Когда он освободился из тюрьмы, энергии в нем как будто оставалось немало. Теперь от врожденной веселости и жизнелюбия нет и следа; стремление к одиночеству напоминает болезнь. По-моему, отца даже домашние нервируют. Обычно он либо хмур, либо раздражен, лишь иногда — что еще

* Псалом 104:18.

ужаснее — разыгрывает радость и оживление. Лучше бы впадал в ярость, как раньше. Бедный, бедный папа! Безумно его жаль. Хоть бы в саду понемногу возился...

Конечно, это неполный портрет отца. Обязательно вернусь к нему позже.

Мать умерла восемь лет назад. По естественным причинам. Думаю, она была женщиной тихой и неприметной, потому что на фоне прочих воспоминаний детства ее я помню очень смутно. (Например, сцену с ножом до сих пор вижу как наяву — я еще стукнула упавшего соседа деревянным совочком; отец уверял, будто это стоило ему дополнительного месяца тюрьмы.)

Три года назад (или четыре? если не ошибаюсь, приступ общительности приключился у отца в 1931 году) у нас появилась мачеха. Ну и удивились же мы с Роуз! Новая жена отца — известная натурщица. Зовут ее Топаз. Якобы так окрестили родители. Что ж, всякое бывает. Но закон ведь не обязывает по гроб жизни носить подобное имя? Она поразительно красива; у нее роскошные почти белые волосы и очень бледная кожа. Косметикой Топаз не пользуется, даже пудрой. В галерее Тейта есть две картины с ее изображением: «Топаз в нефрите» Макморриса (там она в великолепном нефритовом колье) и полотно Г. Дж. Алларди с обнаженной Топаз на старом диване, обитом конским волосом (страшно колючем, по ее словам). Называется «Единение». Правда, художник придал белой коже мачехи столь мертвенный оттенок, что скорее подошло бы название «Разложение».

Ее бледность не болезненна — скорее необычна, словно у представительницы неведомой расы. Голос

у Топаз низкий, глубокий. Не от природы, а как часть божемного образа; из того же разряда ее увлеченность лютней и занятия живописью. Впрочем, мачеха очень добра и превосходно готовит. Я ее обожаю... Вот только написала это — и она показалась на лестнице в кухню. Разве не чудесное совпадение?! На ней старомодное оранжевое платье свободного покроя; светлые прямые волосы струятся по спине до самой талии.

— А-а, девочки... — с непередаваемой мелодичной интонацией бархатисто произнесла Топаз с верхней ступеньки и зашагала вниз.

Теперь она сидит на стальном треножнике, переворачивает дрова в камине. От пламени ее лицо порозовело; в нем больше нет ничего «неземного», и все-таки оно изумительно. Топаз двадцать девять лет, но выглядит она значительно моложе — вероятно, из-за бесстрастного выражения лица. Брак с отцом у нее по счету третий (о первых двух мужьях она почти не рассказывает).

В кухне сейчас очень красиво. За каминной решеткой и в круглом отверстии плиты, не прикрытом заслонкой, ровно полыхает огонь. По беленым стенам пляшут красноватые блики. Даже темные балки под крышей отливают тускло-золотым — до самой высокой из них больше тридцати футов. И в этой огромной раскаленной пещере темнеют две крошечные фигурки: Роуз и Топаз.

Взгромоздившись на решетку, сестра ждет, когда нагреется уют, и недовольно посматривает на мачеху. Угадать ее мысли нетрудно: она восхищена оранжевым нарядом Топаз и с ненавистью думает о своих выдавших виды блузке с юбкой. Бедняжке Роуз всегда не нравится

то, что у нее есть, и хочется того, чего у нее нет. Конечно, мой гардероб тоже убог, но меня это не слишком занимает.

Пляжу на сестру с Топаз — и сердце радуется. Сама не знаю почему. Здорово, что в любой миг можно пересечь от холодного окна к огню и погреться вместе с ними!

* * *

О боже, Роуз и мачеха поскандалили! Сестра предложила ей поехать в Лондон подзаработать денег. Топаз ответила, что овчинка выделки не стоит: жизнь в столице безумно дорога. И это истинная правда. Накопить ей обычно удастся разве только нам на гостинцы — делать подарки она обожает.

— К тому же два художника, которым я позирую, сейчас за границей, — добавила Топаз, — а работать с Макморрисом я не люблю.

— Почему? — спросила Роуз. — Он ведь платит больше остальных?

— Разумеется. Он богат, — ответила мачеха. — Мне не нравится, что он рисует лишь голову. Как говорит ваш отец, художники, которые пишут меня обнаженной, думают о работе, а Макморрис пишет лицо, но думает о теле. И хлопот он доставил мне куда больше, чем стоит знать Мортмейну.

— Ради денег, — начала сестра, — можно примириться с мелкими неудобствами.

— Вот сама, милая, и мирись!

Роуз ужасно разозлилась: с такими «неудобствами» ей столкнуться явно не грозило.

— С превеликим удовольствием! — картинно вскинув голову, заявила она. — К вашему сведению, я уже давно подумываю продаться. В крайнем случае, стану уличной женщиной...

Я заметила, что в саффолкской глуши и улиц-то нет.

— Если наша добрая Топаз одолжит мне денег на билет до Лондона и даст полезный совет..

Топаз невозмутимо сказала, что проституцией никогда не занималась, о чем весьма сожалеет, так как «лишь достигнув дна, поднимаешься вверх». Один из «топазоризмов», переварить который можно только по большой любви.

— В любом случае, — добавила она, — тяготы безнравственной жизни не по тебе, Роуз. Раз не терпится себя продать, выбери состоятельного мужчину и самым благопристойным образом выйди за него замуж.

Естественно, Роуз посещала такая мысль. Ей, правда, хотелось, чтобы мужчина был притом красив, романтичен и обаятелен.

Сестра вдруг разрыдалась. Наверное, от отчаяния: где же в наших полях встретить холостяка брачного возраста — пусть нищего, пусть уроды?! Плачет она нечасто, от силы раз в год; по-хорошему, мне бы подойти ее утешить, но я тороплюсь описать происходящее. Похоже, черствость и беспристрастность — часть писательского ремесла.

Утешила ее Топаз, ласково, по-матерински. У меня бы так ловко не вышло: не умею я укачивать страдальцев в объятиях. Слезы у Роуз текли ручьем, заливая

оранжевое бархатное платье мачехи. Чего только не вытерпел несчастный наряд в свое время!

Позже сестра будет на себя злиться за проявленную слабость — есть у нее недобрая привычка смотреть на Топаз презрительно, сверху вниз; однако сейчас между ними царит мир.

Тихонько всхлипывая, Роуз сворачивает глажку. Мачеха накрывает к чаю стол, размышляя вслух, где бы взять денег. Одна идея нелепее другой: например, устроить в деревне лютневый концерт. Или купить свинью.

Я отвлекаюсь от дневника (руке нужен отдых) и отпускаю несколько замечаний — ничего интересного.

За окном снова дождь. Через двор бежит Стивен Колли, сын нашей горничной. Да, когда-то мы могли позволить себе прислугу. Он живет у нас с детства; его мать давно умерла, а родственников не нашлось. Стивен выращивает овощи, ухаживает за курами... да уйму всего делает! Не представляю, как бы мы без него обходились. Ему восемнадцать, он очень хорош собой; в его облике есть что-то благородное, только выражение лица глуповато. Сколько помню, Стивен вечно бродил за мной по пятам; отец зовет его моим пажом. Он и правда вылитый Керубино из «Женитьбы Фигаро», хотя я-то ничего общего с Барбариной не имею.

Войдя в кухню, Стивен сразу зажег свечу и поставил мне на подоконник.

— Испортите глаза, мисс Кассандра!

И уронил на страницу дневника тщательно свернутый листок бумаги. Опять стихотворение! Сидел, наконец, выводил в сарае. Почерк у Стивена аккуратный,

даже красивый. В начале заголовок: «Мисс Кассандре, автор — Стивен Колли».

Стихотворение прелестно. Автор — Роберт Херрик.

Ну вот что со Стивеном делать? Отцу его «жажда самовыражения» кажется «трогательной». Боюсь, основная «жажда» тут — порадовать меня. Ему известно, как я люблю поэзию. Всю зиму, почти каждую неделю, он подбрасывал мне чужие стихи, выдавая их за свои. Сказать бы, что знаю его секрет, но... не хватает духу: расстроится ведь! Может, когда потеплеет, позову беднягу на прогулку и как-нибудь ласково, тактично все выложу..

Расточать Стивену обычных фальшивых похвал на сей раз не стала — ограничилась одобрительной улыбкой. Теперь он с довольным видом усердно закачивает в бак воду из колодца.

Колодец в полу кухни, похоже, ровесник замка; говорят, за шестьсот лет он ни разу не пересыхал. А вот насосов сменилось много. Тот, что у нас, остался якобы со времен королевы Виктории, когда проводили отопление.

То и дело приходится прерываться. Сначала Топаз, набирая чайник, обрызгала мне ноги; затем из соседнего городка Кингз-Крипт, а точнее из школы, приехал наш брат Томас, крупный юноша пятнадцати лет. У него густые, но растущие пучками волосы (их даже трудно причесать), такого же мышинового цвета, как у меня. Мои, правда, мягкие и послушные.

Всего несколько месяцев назад я тоже день за днем приходила домой после занятий. Как сейчас помню: десять миль трясешься в лениво ползущем поезде, плюс

пять миль накручиваешь педали от станции Скуотни. У-у-у, как я ненавидела дорогу зимой!.. И все же школа мне нравилась. Моя одноклассница, дочь директора кинотеатра, иногда бесплатно водила меня на фильмы. Ужасно теперь этого не хватает! И вообще в школе было неплохо — для тихого провинциального городка уровень подготовки там замечательный. Я получала стипендию, Томас тоже получает. Словом, кое-какие способности у нас есть.

По стеклу хлещет дождь; из-за мерцающего сияния свечи темнота за окном кажется непроглядной. В дальнем конце кухни столь же сумрачно: отверстие в плите закрывает чайник. Роуз и Топаз, сидя на полу у очага, обжаривают на огне хлеб. Их головы очерчены тонкими золотистыми дугами: так светится сквозь волосы пламя.

Стивен оставил насос и теперь подкладывает топливо под большой старинный котел из меди — отличный обогреватель с запасом горячей воды. Медь пышет жаром, плита раскалена докрасна! Во всем доме не сыскать места теплее кухни. Потому здесь и толпится вся семья. Впрочем, мы и летом едим в кухне — мебель из столовой продана больше года назад.

Боже мой, глазам не верю: Топаз ставит варить яйца! Куры расщедрились. Милые, милые птички! Я-то думала, обойдемся чаем, хлебом, маргарином... Честное слово, и рада бы привыкнуть к маргарину, но не получается. Спасибо, хоть у хлеба нет дешевых заменителей.

Неужели когда-то «выпить чаю» означало накрытый в гостиной стол, кексы и тоненькие бутерброды с маслом? Теперь для нас это полноценный ужин, да и тот